

Ань Чжисяо, прожившая две жизни, но так и не познавшая тайн сердечных дел, сама не понимала, что с ней происходит. Однако подсознание подсказывало: это неуместно, и никто, ни в коем случае, не должен об этом узнать.

Она с неохотой разжала объятия и отстранилась от Шэнь Яньжу.

Неизвестно, то ли ноги отошли от долгого сидения, то ли отвлеченное внимание помогло забыть о неприятном онемении, но, хотя Ань Чжисяо все еще чувствовала себя немного странно, стоять и ходить она могла без труда.

— Нам пора возвращаться, — смущенно произнесла она.

Шэнь Яньжу кивнула. Она, безусловно, заметила перемену в поведении Ань Чжисяо, но, не понимая причин, решила сделать вид, что ничего не произошло.

Атмосфера внезапно стала тягостной.

Еще мгновение назад все было легко и непринужденно, но стоило им замолчать, как между ними словно выросла преграда. Они избегали смотреть друг на друга, осознавая, что возникла некая проблема, но трусливо уклоняясь от ее решения.

Вернувшись в отель, Ань Чжисяо с облегчением выдохнула и, обложившись учебниками, с головой ушла в работу.

Шэнь Яньжу бросила на нее быстрый взгляд, убедилась, что все в порядке, и сама достала бумагу и ручку, чтобы набросать текст песни. Вдохновение — вещь капризная: приходит и уходит быстро, поэтому записывать нужно, пока мысли еще свежи.

К счастью, у нее была привычка сразу структурировать идеи в голове, так что, даже несмотря на то что Ань Чжисяо ее отвлекла, она ничего не забыла.

Конечно, одного вдохновения мало. Чтобы создать текст, который будет легко запоминаться, глубоко трогать и оставлять долгое послевкусие, требовалось немало труда.

Хотя это была поп-музыка, Шэнь Яньжу не хотела, чтобы первая песня Ань Чжисяо стала очередной пустой однодневкой. Такие песни быстро становятся популярными, но не несут в себе никакого смысла. Для карьеры и имиджа артистки это не принесло бы пользы. Подобные хиты вспыхивают и гаснут, они никогда не станут классикой и не принесут наград.

А ее ожидания от Ань Чжисяо были куда выше.

К счастью, неловкость Ань Чжисяо быстро улетучилась. Придя в себя, она вдруг пожалела о случившемся.

Ведь она же обнимала Шэнь Яньжу! А вместо того, чтобы насладиться моментом, отвлеклась на всякие глупости. Как же обидно.

Ань Чжисяо знала, что глубоко внутри жаждет близости.

Ей нравились прикосновения: подержаться за руки, коснуться плеча, погладить по волосам. Для нее в этих жестах заключалось море чувств, которых ей так не хватало.

К сожалению, рядом с ней никогда не было старших, которые могли бы проявить заботу, а сама она всегда держалась так уверенно, что никто и не думал, что ей нужна такая любовь. До этого момента все ее контакты сводились к школьным друзьям, обычным дружеским похлопываниям по плечу, в которых не было ничего особенного.

Позже, когда она стала известной в музыкальных кругах, приходилось соблюдать дистанцию.

Поэтому, несмотря на сильное желание, подобного опыта у нее практически не было. Именно поэтому она тогда потеряла контроль и бросилась в объятия Шэнь Яньжу.

На самом деле Ань Чжисяо мечтала о человеке, перед которым могла бы без стеснения капризничать и быть собой. Шэнь Яньжу была так добра к ней, что Ань Чжисяо подсознательно видела в ней того самого человека.

Но если бы ее попросили открыто проявить нежность, она бы не смогла. Вероятно, это и стало причиной той внезапной неловкости — хотя больше она была ошеломлена улыбкой Шэнь Яньжу.

И вот, не сумев сделать это тогда, теперь она жалела.

Порешав немного задачи, она невольно отвлеклась. Украдкой взглянув на Шэнь Яньжу, она увидела, что та сосредоточенно что-то пишет — видимо, вдохновение все еще не покидало ее.

Конечно, мешать сейчас было нельзя. Ань Чжисяо вздохнула и снова уткнулась в учебники. Все эти душевные терзания — на потом. Сейчас важнее всего вступительные экзамены.

Какой бы умной ни была Ань Чжисяо, она всего лишь переродилась — у нее не было суперспособности запоминать все с первого взгляда, да и сами экзаменационные вопросы прошлых лет она не помнила. Тогда, в прошлой жизни, она уже подписывала контракт с агентством, к экзаменам относилась легкомысленно, а после них и вовсе забросила учебу. За столько лет многое стерлось из памяти.

Хорошо хоть, что в юном возрасте голова работает лучше. За последнее время она приложила немало усилий, перебирая школьную программу, просматривая старые конспекты и решая задачи, так что почти догнала остальных.

И все же на пробных экзаменах результаты были не блестящими, баллов не хватало до проходного порога. Классный руководитель специально вызывал ее на беседу. Интересно, говорил ли он сегодня с Шэнь Яньжу?

Остался всего месяц. Времени мало, задач много, отвлекаться на посторонние мысли было непозволительной роскошью. Стоило ей погрузиться в решение задач, как все лишние мысли исчезали без следа.

Однако то, что однажды коснулось души, не проходит бесследно.

Вечером, лежа в одной постели с Шэнь Яньжу, Ань Чжисяо снова почувствовала беспокойство. Шэнь Яньжу же, утомленная за день, быстро уснула. Ань Чжисяо долго смотрела в темноту, а потом тихонько придвинулась ближе к ней — совсем чуть-чуть.

Она не заметила, как уснула, но на следующее утро все вчерашние переживания были разложены по полочкам и больше не имели над ней власти. Ань Чжисяо встала, умылась и вместе с Шэнь Яньжу спустилась вниз на тренировку.

На самом деле Ань Чжисяо искренне восхищалась Шэнь Яньжу. Та ушла за кулисы четыре года назад, и, казалось бы, ей больше не нужно тренировать голос, ведь новые альбомы она выпускать не собиралась. Но, несмотря на это, она ни дня не пропускала занятия.

Поэтому, хотя она больше не пела на сцене, ее голос оставался безупречным. Иногда Ань Чжисяо слышала, как та напевает короткие мелодии во время работы — они звучали невероятно красиво.

Так жаль, что она больше не поет.

Если подумать, Шэнь Яньжу всегда была кумиром Ань Чжисяо, она выросла на ее песнях. Поэтому четыре года назад, когда она узнала, что будет выступать с ней на одной сцене, ее волнение было безграничным. Та песня, которую они исполнили вместе, стала ее самой любимой.

Возможно, именно поэтому она так долго ждала — целых четыре года.

В глубине души у Ань Чжисяо жила тайная мечта: однажды стать по-настоящему успешной и на своем сольном концерте пригласить Шэнь Яньжу спеть с ней дуэтом.

Хотя учебная группа, предложенная мамой Цинь Юэюэ, так и не была создана, Ань Чжисяо и Цинь Юэюэ продолжали ходить в школу — атмосфера там все же лучше способствовала учебе. Когда вокруг все решают задачи, разве удобно отлынивать? Да и шум в классе — своего рода отдых. В любом случае, это лучше, чем сидеть дома в одиночестве.

По крайней мере, для них это было так.

В итоге группа тихо развалилась.

Однако Шэнь Яньжу и мама Цинь Юэюэ, госпожа Цзян Фань, стали общаться довольно часто. Они обменялись номерами телефонов и постоянно обсуждали дела детей.

Шэнь Яньжу не была настоящим родителем, поэтому в некоторых вопросах ей не хватало опыта, и Цзян Фань с энтузиазмом взялась ее наставлять. Этот новый опыт казался Шэнь Яньжу забавным, и она с интересом включилась в игру, тратя на это почти все свободное от творчества время.

Что касается этого странного общения, Ань Чжисяо лишь пожимала плечами: мир взрослых ей не понять.

К слову, Цзян Фань до сих пор не осознавала, почему лицо Шэнь Яньжу кажется ей знакомым. В конце концов, Шэнь Яньжу почти не появлялась в СМИ, а после разрыва контракта с Чжан Тяньцзе и вовсе исчезла из поля зрения.

Как-то раз Ань Чжисяо услышала, как Цинь Юэюэ рассказывала, что ее мама в молодости обожала песни Шэнь Яньжу. Та весь день пребывала в прекрасном настроении, чем привела Цинь Юэюэ в полное недоумение, заставив думать, что с ней самой что-то не так.

Их отношения с Цинь Юэюэ и так были хорошими, а когда они стали сидеть за одной партой, то стали еще ближе. Теперь, когда даже родители наладили контакт, их дружба стала еще крепче. Шэнь Яньжу даже специально пригласила Цзян Фань и Цинь Юэюэ на обед.

Китайцы называют социальные контакты словом, означающим «приходить и уходить», и это очень точно. Есть обмен — есть и чувства.

Начав общаться с людьми, Шэнь Яньжу, казалось, начала понемногу вливаться в жизнь этого городка. Она даже закупила продукты и, пользуясь кухней отеля, начала учиться готовить по рецептам. Правда, еда получалась не очень, поэтому Ань Чжисяо пока не пробовала ее кулинарных шедевров и не знала о ее стараниях.

Месяц пролетел незаметно, и вот уже канун вступительных экзаменов.

Накануне Цзян Фань позвонила Шэнь Яньжу и дала строгие наставления по поводу питания

Ань Чжисяо. Поговаривали, что она обзвонила всех знакомых родителей.

Во-первых, нужно есть рыбу — символ того, что карп перепрыгнет через Врата Дракона. На завтрак — жареное тесто и два яйца, что символизирует сто баллов (Ань Чжисяо про себя усмехнулась: максимальный балл в старшей школе — сто пятьдесят, сто баллов — это всего лишь удовлетворительно). И, наконец, нужно съесть кусочек местного пирога, а так как скоро праздник Дуань-у, то и цзунцзы — все вместе это означает «высокий балл».

Конечно, куда же без укрепляющих мозг и тело супов.

Когда Шэнь Яньжу закончила разговор, Ань Чжисяо не выдержала: — Экзамены длятся всего два дня, а столько еды даже на три приема пищи не распределишь. Да и от такой мешанины тетя Цзян не боится, что у Цинь Юэюэ живот заболит и она провалит экзамен?

...А ведь она права. Шэнь Яньжу молча взяла телефон, собираясь перезвонить и обсудить это. На самом деле она и сама считала все эти приметы глупостью — как могут детали питания повлиять на результат? Если бы это работало, никто бы не учился.

Но, несмотря на скепсис, она подсознательно запомнила все советы. Не обязательно есть все подряд, можно по чуть-чуть. В конце концов, кушать-то все равно надо.

Передав это Цзян Фань, та дала новые инструкции: — Завтра не надевайте одежду с молниями, чтобы не защемить кожу. И никаких юбок — говорят, за них можно зацепиться.

— ... — Если с едой еще были понятны добрые намерения, то эти детали вызывали лишь кривую улыбку.

Если бы не эти дополнения, советы казались вполне разумными, но теперь все это выглядело странно. Суеверия — это нехорошо. Однако Шэнь Яньжу не стала спорить: она видела, как Цзян Фань беспокоится за результаты дочери, так что пусть это будет хотя бы психологической поддержкой.

На ужин Ань Чжисяо пила рыбный суп.

— Остальное не будем готовить, выпьем только суп для атмосферы, — спокойно сказала Шэнь Яньжу. — В конце концов, вступительный экзамен бывает раз в жизни.

Услышав это, Ань Чжисяо полюбопытствовала: — А как было у вас, сестра?

— У меня? — небрежно ответила Шэнь Яньжу. — Я не сдавала вступительные экзамены. После дебюта у меня не было времени на университет, учителя занимались со мной на дому. В основном это были дисциплины, связанные с музыкой, так что ходить в школу было необязательно.

...Проклятый капитализм! — подумала Ань Чжисяо, допивая суп.

Она вспомнила, что в прошлой жизни слышала о состоятельной семье Шэнь Яньжу. Но о деталях за десять лет в индустрии она так ничего и не узнала — Шэнь Яньжу умела хранить тайны.

Вероятно, желая утешить Ань Чжисяо, Шэнь Яньжу добавила: — Иногда социальный статус не зависит от образования. После того как я получила премию Скрепка, несколько музыкальных университетов прислали мне приглашения стать почетным профессором.

Ань Чжисяо посмотрела на нее: это она сейчас хвастается?

Но Шэнь Яньжу была не из тех людей. Подумав, она поняла: та просто хотела успокоить ее на случай, если результаты окажутся не самыми лучшими.

Как же витиевато она это преподнесла.

Ань Чжисяо рассмеялась и залпом допила остатки супа: — Я поняла.

На самом деле она не испытывала сильного давления. Во-первых, как сказала Шэнь Яньжу, после дебюта у нее будет мало времени на учебу, так что университетская жизнь не была для нее самоцелью. Во-вторых, внутренне она уже была взрослым человеком, сделала все, что могла, и теперь лишь ждала результата.

Победы и поражения она уже пережила в прошлой жизни, так что сейчас могла смотреть на все спокойнее.

В конце концов, часто говорят, что экзамены — это поворотный момент, второе рождение, и в моменты подготовки это действительно пугает. Но спустя пять или десять лет понимаешь, что все это было не так уж важно. Одно событие не определяет судьбу.

Однако то, что Шэнь Яньжу старалась ее утешить, стало для Ань Чжисяо неожиданностью.

В ту ночь Ань Чжисяо спала хорошо, а вот Шэнь Яньжу страдала от бессонницы.

Забавно, но даже в юности, перед лицом жизненных выборов, она не волновалась так сильно. Шэнь Яньжу лежала и думала: может, дело в том, что за последние два месяца она слишком сблизилась с Цзян Фань и вошла в роль родителя Ань Чжисяо? Поэтому теперь не могла не переживать.

Для нее это был совершенно новый опыт.

Казалось, с тех пор как она приехала в этот город и встретила Ань Чжисяо, в ее жизни произошло столько первых раз и открытий. Хотя она не верила в судьбу, иногда ей казалось, что между ними действительно есть какая-то связь.

В тишине ночи мысли текли легко. Раз уж не спится, Шэнь Яньжу села, взяла блокнот и, не включая свет, при слабом мерцании лампы у изголовья начала записывать свои идеи.

За этот месяц у нее накопилось много материала, который требовал лишь небольшой доработки, чтобы стать готовым произведением.

Даже несмотря на то, что с самого начала карьеры она славилась своим талантом и продуктивностью, нынешние темпы удивляли ее саму. Словно в ее душе включили тумблер вдохновения и забыли выключить — она постоянно ловила себя на новых озарениях.

И Шэнь Яньжу прекрасно понимала, кто стал причиной этого.

Фактически, почти все идеи были связаны с Ань Чжисяо. Когда она работала с Чжан Тяньцзе, такого не было. Тогда она тоже создавала для нее песни и альбомы, но это была лишь холодная работа разума. Поэтому написанные вещи подходили Чжан Тяньцзе, но подошли бы и любому другому артисту с похожим стилем.

Но Ань Чжисяо была другой.

Шэнь Яньжу не могла представить, чтобы эти песни пел кто-то еще. Если Ань Чжисяо их не исполнит, она предпочла бы убрать их в стол или вовсе уничтожить, но не отдаст другим.

Она повернула голову и посмотрела на спящую Ань Чжисяо. В тусклом свете ее лицо казалось таким мягким и спокойным — совсем не той энергичной девушкой, что была днем. От этого у Шэнь Яньжу сердце сжималось от нежности.

Она протянула руку и поправила одеяло на плечах Ань Чжисяо.

Убирая руку, она кончиками пальцев едва заметно коснулась ее лица.

Дизайнеры в мире моды часто называют моделей, вдохновляющих их на творчество, музами. Шэнь Яньжу подумала, что Ань Чжисяо и есть ее муза.

Шэнь Яньжу проснулась еще до пяти утра.

Хотя она спала меньше пяти часов, сонливости не было, и она решила встать, чтобы приготовить завтрак для Ань Чжисяо.

Да, благодаря тренировкам ее кулинарные навыки заметно выросли. По крайней мере, сварить кашу она теперь могла без проблем.

Поэтому, когда Ань Чжисяо проснулась, завтрак уже ждал ее.

— Проснулась? Иди умывайся и будем есть, — позвала она, вкатывая тележку в гостиную и расставляя тарелки на журнальном столике.

Ань Чжисяо умылась, села за стол, сделала глоток каши и не удержалась: — Что это за каша? Такая ароматная.

Нежная, густая и вкусная — раньше она такой в отеле не видела.

— Каша с цветками османтуса, — ответила Шэнь Яньжу.

— О... — Ань Чжисяо поняла: намек на успех на экзаменах. Но: — В отеле сменили повара? Раньше каша была другой.

Шэнь Яньжу не собиралась хвастаться, но раз уж спросили, скрывать не стала: — Я сама приготовила.

— Ты? — глаза Ань Чжисяо округлились.

Шэнь Яньжу выглядела как девушка из богатой семьи, которая никогда не знала быта и привыкла к услугам личных поваров и горничных. Это было видно хотя бы по тому, что она жила в отеле. Сама Ань Чжисяо, если бы ей пришлось жить в другом городе несколько месяцев, скорее сняла бы комнату, чтобы сэкономить.

Но когда она предлагала переехать, Шэнь Яньжу отказалась. Причина проста: в отеле есть сервис, уборка, смена белья и еда. Четырехзвездочный отель предоставляет качественные услуги, а если у клиента есть особые пожелания, их выполняют.

Все, что для этого нужно — деньги.

А для Шэнь Яньжу деньги, потраченные на комфорт и сэкономленное время, были вполне оправданным вложением.